

РОЛЬ ДИАСПОР В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена оценке влияния диаспор на мировую политику. Под диаспорой подразумевается транснациональное сообщество мигрантов, которое поддерживает материальные и эмоциональные связи с территорией (страной) происхождения и одновременно адаптируется к ограничениям и возможностям принимающего общества. Под влиянием эмоционального начала формируется сложный социально-психологический комплекс, включающий групповую солидарность и определённые мифы о территории происхождения.

Как отмечается в статье, в целом диаспоры соответствуют выработанным в современных политологических трудах характеристикам негосударственных акторов. Диаспоры существуют автономно и участвуют в транснациональных взаимодействиях. Вероятность участия диаспор в подобных взаимодействиях увеличивается в некоторых ситуациях, а именно: при неудовлетворительном статусе диаспоры в стране проживания; при созревании предпосылок для изменения взаимоотношений между принимающим государством и страной происхождения; в условиях острого общественно-политического кризиса в стране происхождения. Влиятельность конкретной диаспоры зависит от её национальных, демографических и других особенностей. Своих целей на глобальном, региональном и национальном уровнях диаспоры достигают преимущественно путём воздействия на государственные институты. Кроме того, складываются основания для их самостоятельного, без привязки к государству, участия в мировых политических процессах.

Особую роль в использовании ресурсов влияния играет элита диаспоры. Она представляет собой «центр управления», вырабатывающий стратегию действий и оперирующий ресурсами. Стабильность внутри «центра управления» является индикатором способности диаспоры управлять имеющимся потенциалом.

Ключевые слова: диаспора, транснациональные сообщества, солидарность, мигрант, мировая политика, ресурс влияния, негосударственный актор.

В современных реалиях возрастает масштаб миграций населения. Этому способствует не только глобализация, которая сводит к общему знаменателю традиции и культурные особенности различных обществ. Современные средства коммуникации позволяют мигрантам сохранять связь с родными и даже совершать виртуальные путешествия. Часть переселенцев возвращается на родину, часть пытается приспособиться к реалиям нового места жительства. На основе множественных связей между территорией происхождения и местом проживания нередко формируются крупные общности, объединённые по культурным (лингвистическим, религиозным, историческим) признакам.

К свойствам диаспор принято относить:

– вынужденный характер переселения, образующий фундамент диаспоральной общности;

– стремление поддерживать тесные связи с территорией происхождения;

– замкнутость, помогающая сохранять коллективное самосознание [2, с. 30–32].

В мировой политике ресурсы влияния всё сильнее расслаиваются и распределяются между различными акторами [4, с. 106]. Роль сообществ в мировой политике зависит от того, обладают ли они ресурсами влияния, а если обладают, то какими именно. Крупные сообщества могут оказаться обладателями уникальных ресурсов влияния. Если диаспоры обладают ресурсами влияния и используют их во внешнеполитических целях, то их можно считать одной из структурных единиц мировой политики, частью большой мозаики формирующегося поствестфальского мироустройства.

В исследованиях диаспор можно выделить два условных течения: прагматичное и комплексное. В развернувшейся с середины 90-х гг. XX в. между ними дискуссии сформировалась новая субдисциплина – диаспоральные исследования (*diaspora studies*). Прагматичное течение занимается исследованиями политических и экономических ресурсов диаспор, разрабатывая практические рекомендации по взаимодействию государств и диаспор. Например, профессор Тель-Авивского университета И. Шейн, проанализировав возможности влияния диаспор на внешнюю политику США, отмечал: «Исторически диаспоры в США были сильно привязаны к политическим событиям в стране их происхождения, часто рассматривали себя в качестве представителей своего государства за рубежом» [16, с. 814]. Российский специалист по национально-этническим проблемам мировой политики К.П. Боришполец указывает, что государства стремятся активно использовать ресурсы диаспор для расширения собственных финансовых и информационных возможностей. Диаспоры способны также создавать сети, в которых государства становятся одним из многих звеньев [1, с. 82–83].

Исследователи, принадлежащие ко второму течению, фокусируют внимание на вопросах воспроизводства сложных культурных систем и на проблемах формирования гибридных сообществ. Конструктивист А. Бра утверждает, что диаспоры – это сложносоставные формирования, включающие людей с разными историями жизни и неповторимыми особенностями. Диаспоры подобны тексту с уникальным и зачастую противоречивым нарративом. По мере того, как коллективная и индивидуальная память усваивает и трансформирует приобретённый опыт, диаспора постепенно эволюционирует [6, с. 180].

Естественно, в рамках указанных течений доминируют разные подходы к определению понятия диаспоры. Наиболее распространённое определение, сформулированное У. Сафраном и расширенное Р. Коэном, перечисляет следующие признаки диаспоры:

– распространение из чётко фиксированного территориального пространства и переселение в два и более региона или государства, в том числе смена места жительства с целью торговли, трудоустройства или колонизации;

– наличие мифа или коллективной памяти о родине – её территории, истории и достижениях;

– идеализация прошлого и коллективная приверженность мифу о родине, обуславливающие стремление к её сохранению, процветанию, безопасности, восстановлению, что может пониматься и как создание отдельного государства на чётко зафиксированной территории третьей страны;

– установка на последующее возвращение на родину – хотя бы в символической форме;

– особый тип идентичности, основанный на отличиях от населения «принимающего» государства и на осознании общего с ним будущего;

– солидарность и существенное взаимопонимание между членами группы и членами аналогичных групп того же происхождения в третьих странах;

– способность группы при всех отличиях и отчуждённости от местных жителей полноценно самовоспроизводиться в «местных» условиях [8, с. 515].

В начале XXI в. данное определение представлялось удачным, поскольку учитывало одновременно и замкнутость диаспор, и их способность к диалогу с обществом «принимающего» государства, а также описывало обязательные для диаспоры контакты с абстрактной родиной как контакты разной интенсивности и разного наполнения (от финансовой помощи родственникам до редких воспоминаний о предках). Однако приведённое определение ограничено тем, что за эталон принят уникальный опыт еврейского «рассеяния». Приходится также учитывать, что в настоящее время диаспоры обладают высокой степенью гибкости и адаптивности. Эти два обстоятельства снижают актуальность вышеприведённого определения.

Оптимальным представляется трактовка М.Дж. Эсмана, который предлагает рассматривать диаспору как транснациональное сообщество мигрантов, поддерживающее материальные и эмоциональные связи с территорией (страной) происхождения и одновременно адаптирующееся к ограничениям и возможностям принимающего общества [9, с. 19–20]. Особую разновидность составляют так называемые «случайные» диаспоры, или диаспоры катаклизма, возникшие в результате изменения государственных границ. Их представители не задавались вопросом о самоидентификации, но в результате условной миграции в другое государство, которая часто даже не подразумевала смены места жительства, неожиданно оказались частью этнической или полиэтнической группы (меньшинства).

Солидарность и политическая мобилизация в рамках диаспор нередко являются реакцией на неожиданное и часто агрессивное развитие национализма в «принимающей» стране [7, с. 464–466].

С точки зрения роли диаспор в мировой политике необходимо особо отметить, что в основе их возникновения лежат эмоциональные связи. Эти связи потенциально более интенсивны, чем политическое взаимодействие, но и менее устойчивы в сравнении с институциональной коммуникацией. Проще говоря, диаспоры способны работать с большей отдачей, но могут и быстро «перегореть». Поэтому для эффективного использования ресурсов диаспор требуется умелый подход.

Диаспора изначально формируются как сообщество, игнорирующее существующие границы и стремящееся объединить людей по признаку культурного бэкграунда (солидарность, идентичность, набор мифов). Поэтому деятельность диаспор носит транснациональный характер, а влияние осуществляется через транснациональные механизмы. Таким образом, диаспоры соответствуют известным критериям негосударственных (транснациональных) акторов мировой политики. Деятельность транснациональных акторов охватывает множество сфер и развивается столь стремительно, что академическая наука не успевает в полной мере фиксировать и интерпретировать её.

Несмотря на большое количество и качественное разнообразие негосударственных акторов мировой политики, они обладают рядом общих характеристик. Исследователи М. Кек и К. Сиккинг отмечают, что транснациональные акторы характеризуются: креативным подходом к использованию средств коммуникации; убежденностью в возможности добиться перемен; принципиальностью в сочетании с использованием изолированных политических стратегий, включая вступление в коалицию с другими акторами [11, с. 2]. Кроме того, для получения «нужного» решения негосударственные акторы способны опираться на моральный авторитет и

высокую степень информированности в определенной сфере.

Транснациональным акторам критически важно получить доступ к процессу принятия государственных решений, однако участие в процессе принятия решений не всегда тождественно влиятельности [15, с. 266–270].

Д. Джосселин и У. Уоллас выделяют следующие черты негосударственных акторов:

- значительная (вплоть до полной) степень автономности;
- участие в транснациональных сетях, пересекающих границы двух и более государств;
- политические последствия хотя бы для одного государства или международного института, вне зависимости от того, были ли такие последствия целью деятельности негосударственного актора [10, с. 3–4].

Характерной особенностью транснациональных акторов является воздействие на конкретные государственные или общественные институты. Израильские исследователи Й. Шейн и А. Барт перечисляют ситуации, когда диаспоры могут оказывать как прямое, так и косвенное влияние на мировую политику:

- 1) текущий социальный статус в «принимающем» государстве не удовлетворяет диаспору;
 - 2) страна происхождения стремится выражать мнение всех представителей этноса, в том числе проживающих в других странах;
 - 3) действия в отношении диаспоры в «принимающей» стране могут отразиться на её взаимоотношениях с родиной членов данной диаспоры;
 - 4) диаспора стремится изменить внешнюю политику «принимающего» государства;
 - 5) диаспора склонна влиять на внешнюю политику страны происхождения [17, с. 453–454].
- Известный специалист по этничности и этническим сообществам М.Дж. Эсман дополнил приведенный выше список:
- 6) члены диаспор поддерживают транснациональные связи, что само по себе снижает контроль государств над некоторыми кластерами социальной жизни;
 - 7) государства могут воспользоваться ресурсами диаспор для достижения политических и экономических целей;
 - 8) диаспора может искать защиты от страны происхождения у «принимающего» государства при обострении конфликта со страной происхождения;
 - 9) диаспора становится активным участником экономического, культурного и политического развития своей Родины;
 - 10) представители диаспоры могут быть вовлечены в деятельность транснациональных преступных (в том числе, террористических) сетей [9, с. 121–131].

Кроме того, нередки ситуации, когда диаспоры формируют альтернативу политическому режиму страны происхождения, в том числе, правительства в изгнании, партии и обществен-

■ Международные отношения и мировая политика

ные движения. В этом отношении характерен пример Ж.-Б. Аристиды, свергнутого военной хунтой и вернувшегося на пост президента Гаити после изгнания. Возвращение главы государства стало возможным благодаря давлению гаитянской диаспоры США на администрацию Б. Клинтона и формированию на основе диаспоры альтернативных органов власти, за что признательный президент Аристид провозгласил диаспору десятым округом Гаити (добавив к 9 имеющимся).

В большинстве случаев диаспора оказывает воздействие на мировую политику через конкретное государство. Несмотря на часто несправедливую миграционную политику и отдельные проявления ксенофобии, диаспоры не прерывают контактов с институтами «принимающих» стран. Более того, в долгосрочной перспективе обе стороны заинтересованы во взаимодействии. Многие диаспоры активно вовлечены в целые сектора экономики «принимающего» государства, а главное – они востребованы на рынке труда. С другой стороны, поддержание духовных и материальных связей со страной происхождения часто является механизмом консолидации, условно говоря, «сердцем» диаспоры. Г. Шеффер полагает, что диаспоры проявляют себя как самостоятельные политические субъекты в рамках «модели треугольника»: родина – диаспора – «принимающее» государство [18, с. 192–199]. Диаспоры способны вырваться из этого «треугольника»: например, при усилении транснационального сегмента их деятельности, при возникновении конфликта с государством происхождения или за отсутствием государственности у территории происхождения.

Упомянутое выше понятие транснациональных взаимодействий употребляется в узком и широком понимании. Узкое понимание подразумевает, что участники сообщества вовлечены в легальные транснациональные структуры, являются членами политических партий и общественных организаций. А для широкого понимания достаточно, чтобы представители диаспор посещали мероприятия таких партий и организаций. Соответственно, в узком понимании транснациональные взаимодействия носят регулярный и упорядоченный характер, а в широком – представляют собой случайные комбинации действий и интересов [13, с. 761].

Внутри диаспоры, как и в большинстве социальных общностей, существуют менее крупные группы. В зависимости от индивидуальных предпочтений и внешних стимулов, мигрант может вообще не участвовать в деятельности диаспоры и поддерживать с ней эпизодические контакты, а может быть активно вовлечён во взаимодействия в рамках диаспоры. Наивысшая степень участия в деятельности диаспоры – членство в неформальных авторитетных структурах, выступающих от имени диаспоры.

Существование узлов тесного взаимодействия позволяет утверждать, что диаспоры соот-

ветствуют большинству выдвинутых критериев негосударственного актора, хотя и с некоторыми оговорками.

В частности, нельзя приписывать наличие проработанной (а тем более изощрённой) политической стратегии, высокую информированность по специфическим вопросам или финансовую независимость всему сообществу, поскольку его границы часто подвижны, а значительную часть мигрантов можно охарактеризовать как малообеспеченных и в политическом смысле неинформированных. Представительские функции от имени диаспоры в целом выполняют неформальные авторитетные структуры или «центры управления». Эти узлы тесного социального взаимодействия определяют текущие цели группы (например, привлечь внимание к «освободительной» борьбе, устранить изменников, оказать давление на международные организации) и выбирают долгосрочную стратегию взаимодействия с «принимающим» государством (от ассимиляции до автономизации) [18, с. 80–81, 161–170].

Если элита диаспоры расколота или утратила авторитет среди рядовых участников диаспоры, последняя может лишиться влияния. Например, одним из стержней итальянской диаспоры в США была мафия, однако по мере интеграции итальянских мигрантов в американское общество расхождение между мафией и большинством диаспоры становилось всё заметнее. К середине XX в. значительная часть итальянской диаспоры (так называемые «гуидо») стремилась уйти от стереотипов, основанных на незаконной деятельности мафии [19, с. 190]. В итоге, итальянская диаспора оказалась расколота и как таковая не сумела реализовать имевшийся потенциал. А польское сообщество США в 20–30 гг. XX в. раскололось из-за разногласий между католическим духовенством и светскими общественными деятелями, что привело к сокращению контактов со страной происхождения и поражениям на выборах в Конгресс кандидатов, поддерживаемых польскими организациями [14, с. 77–79].

С учётом разнообразия и сетевой организации диаспор, их влияние зависит от следующих факторов:

- доли мигрантов одного происхождения в численности населения страны;
- концентрация представителей диаспор в определённых отраслях экономики или государственного, регионального и муниципального управления;
- степень локализации диаспоры на определённой территории;
- уровень солидарности и наличие механизмов политической мобилизации;
- степень вовлечённости диаспоры в политические системы территории происхождения и страны пребывания.

Ресурсы диаспоры (фактически, их элиты) основаны на солидарности членов сообщества.

Солидарность формирует широкий круг механизмов усиления всего сообщества – от политической мобилизации до концентрации материальных средств при лоббировании. Диаспоры могут использовать собственную культуру (литературу, религиозную организацию, особенности кухни), чтобы формировать имидж, который будет определять действия других акторов. По классификации М.М. Лебедевой, указанные ресурсы относятся к социально-политическим и гуманитарным [4, с. 100].

Последствия деятельности диаспор в качестве акторов мировой политики предсказать сложно. Высказывается предположение, что миграционные процессы размывают структуру нация-государство, поскольку нация утрачивает привязку к территории, и тем самым «глобализируется». Происходит процесс формирования глобальных наций [20, с. 22]. С другой стороны, этническое и культурное разнообразие в мире не исчезает. Значит, идёт формирование новых гибридных политических структур и механиз-

мов удалённого управления (англ. governing at a distance) [12, с. 104].

Таким образом, диаспоры могут влиять на мировую политику, используя разнообразные механизмы. В большинстве случаев диаспоры добиваются своих целей путём воздействия на государства, что, однако, не исключает самостоятельности таких сообществ. В некоторых случаях диаспоры являются не только инициаторами взаимодействий, но и обеспечивают их длительность. Отчасти для выполнения подобных задач внутри диаспор существует своеобразная элита, которая формулирует интересы всех соотечественников и вырабатывает стратегию своей деятельности для достижения конкретных результатов. Эта группа внутри сообщества оперирует социально-политическим и гуманитарным ресурсом влияния. При определённой численности сообщества, наличии политического и экономического потенциалов, всё вышеперечисленное характеризует диаспору как актора мировой политики.

Список литературы

1. Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ. 2012. М., 2012. С. 79–86.
2. Интервью с Хачиком Тололяном // Новое литературное обозрение. 2014. №127. С. 30–41.
3. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 38–42.
4. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.
5. Фокина В.В. СМИ как акторы мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 61–65.
6. Brah A. Cartographies of diaspora: contesting identities. London, 1996. 276 p.
7. Brubaker R. Accidental diasporas and external 'homelands' in Central and Eastern Europe: Past and present // Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. – Leiden and Boston, 2009. pp. 461–482.
8. Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers // International Affairs. 1992. №72 (3). pp. 507–520.
9. Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Polity Press, 2009. 210 p.
10. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework // Non-State Actors in World Politics. Ed. by D. Josselin and W. Wallace. New York: Palgrave, 2001. pp. 1–20.
11. Keck M.E., Sikkink K. Activist beyond borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell University Press, 1998. 229 p.
12. Kunz R. The Discovery of the Diaspora // International Political Sociology. 2012. №6 (1). pp. 103–106.
13. Ostergaard-Nielsen E. The Politics of Migrants' Transnational Political Practices // International Migration Review. 2003. №37(3). pp. 760–786.
14. Pula J.S. Polish Americans: An Ethnic Community. New York, 1995. 191 p.
15. Risse Th. Transnational Actors and World Politics // Handbook of International Relations / Ed. W. Carlsnaes, T. Risse and B. Simmons. London: Sage, 2002. pp. 251–286.
16. Shain Y. Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy // Political Science Quarterly. 1994. №109 (5). p. 811–841.
17. Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory // International Organization. 2003. No. 57 (3). pp. 449–479.
18. Sheffer G. Diaspora Politics: At Home Abroad. New York, 2003. 308 p.
19. Tricarico D. Consuming Italian Americans: Invoking Ethnicity in the Buying and Selling of Guido // Making Italian America: Consumer Culture and the Production of Ethnic Identities / Ed. by S. Cinotto. – Fordham University Press, 2014. pp. 178–194.
20. Varadarajan L. The domestic abroad: diasporas in international relations. New York, 2010. 244 p.

Об авторе

Лошкарёв Иван Дмитриевич – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. E-mail: kixlo@rambler.ru.

THE ROLE OF DIASPORAS IN THE CURRENT WORLD POLITICS

I.D. Loshkariov

Moscow State University of International Relations (University), 76 Prospect Vetnadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author's intention is to access the impact that diasporas have on world politics. The notion "diaspora" implies a transnational migrant community, which maintains material and emotional bonds with territory of origin and simultaneously adapts to limitations and possibilities of host society. The emotional component of a community entails psychosocial complex that includes the group solidarity and certain myths about the territory of origin.*

Taking into account the specifics of a given community, diasporas meet in general all the requirements of a non-state actor that have been elaborated in the current studies on the world politics. In particular, a diasporas exist independently and participates in the transnational interactions. Moreover, there are several situations which enhance diaspora's ability to interfere. These situations may include the unsatisfactory status of the given community, migrants' desire to improve certain political or economic conditions in the territory of origin, the prerequisites for changes in the relationships between the hostland and the homeland, urgent crises in the country of origin. In addition, diasporal influence depends on demographic and geographic characteristics of the particular community. Diasporas achieve their goals on global, regional and national levels mainly by influencing state's institutions. However, some developments have been evolved that can facilitate a substantive diasporas' involvement in the world political processes, involvement without dependence on state's capabilities.

Elite of the community plays a crucial role in the resource management. The elite presents "the controlling centre" that forges a strategy of action and makes transactions of resources. Stability within "the controlling centre" can be named as an indicator of diaspora's ability to manage the potential available.

Key words: diaspora, transnational communities, solidarity, migrant, world politics, resource of influence, non-state actor.

References

1. Borishpolets K.P. Mehanizmy vzaimodeystviya gosudarstva s natsional'nymi diasporami [Mechanisms of Interaction of the State with National Diasporas]. Ezhegodnik IMI. 2012. Moscow, 2012. Pp. 79–86. (In Russian)
2. Interv'yu s Hachikom Tololyanom [Interview to Hachik Tololyan]. Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. No. 127. Pp. 30–41. (In Russian)
3. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoy mirovoy politiki: trendy razvitiya [Actors of Modern World Politics: Development Trends]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. No. 1. Pp. 38–42. (In Russian)
4. Lebedeva M.M. Resursy vliyaniya v mirovoy politike [Influence Resources in World Politics]. Polis. 2014. No. 1. Pp. 99–108. (In Russian)
5. Fokina V.V. SMI kak aktory mirovoy politiki [Mass Media as Actors of World Politics]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. No. 1. Pp. 61–65. (In Russian)
6. Brah A. Cartographies of diaspora: contesting identities. London, 1996. 276 p.
7. Brubaker R. Accidental diasporas and external 'homelands' in Central and Eastern Europe: Past and present. Transnationalism: Diasporas and the Advent of a New (Dis)order. Ed. by Ben-Rafael E. and Sternberg Y. Leiden and Boston, 2009. pp. 461–482.
8. Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers. International Affairs. 1992. No. 72 (3). pp. 507–520.
9. Esman M.J. Diasporas in the contemporary world. Polity Press, 2009. 210 p.
10. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics: A Framework. Non-State Actors in World Politics. Ed. by D. Josselin and W. Wallace. New York: Palgrave, 2001. pp. 1–20.
11. Keck M.E., Sikkink K. Activist beyond borders: Advocacy Networks in International Politics. Cornell University Press, 1998. 229 p.
12. Kunz R. The Discovery of the Diaspora. International Political Sociology. 2012. №6 (1). pp. 103–106.

13. Ostergaard-Nielsen E. The Politics of Migrants' Transnational Political Practices. *International Migration Review*. 2003. №37(3). pp. 760–786.
14. Pula J.S. *Polish Americans: An Ethnic Community*. New York, 1995. 191 p.
15. Risse Th. Transnational Actors and World Politics. *Handbook of International Relations* / Ed. W. Carlsnaes, T. Risse and B. Simmons. London: Sage, 2002. pp. 251–286.
16. Shain Y. Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy. *Political Science Quarterly*. 1994. No. 109 (5). pp. 811–841.
17. Shain Y., Barth A. Diasporas and International Relations Theory. *International Organization*. 2003. No. 57 (3). pp. 449–479.
18. Sheffer G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*. New York, 2003. 308 p.
19. Tricarico D. Consuming Italian Americans: Invoking Ethnicity in the Buying and Selling of Guido. *Making Italian America: Consumer Culture and the Production of Ethnic Identities* / Ed. by S. Cinotto. Fordham University Press, 2014. pp. 178–194.
20. Varadarajan L. *The domestic abroad: diasporas in international relations*. New York, 2010. 244 p.

About the author

Ivan D. Loshkariov – a Post-Graduate Student, Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: kixlo@rambler.ru.